

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94 (470)

«Омский дневник, 1917-1920 гг.» и его автор Татьяна Николаевна Машинская

¹ Киселев А.Г.,

¹ Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Аннотация: в 2023 г. Омский государственный педагогический университет издал книгу воспоминаний двух урождённых сибирячек – русской А.М. Рандруп и немки А.М. Розенплэнтер, репрезентирующих дамский культурный мир «буржуазного» Омска – «Цветам былого не забвенья...». «Омский дневник» предвоенного времени ещё одной яркой представительницы этого мира – купеческой дочери Т.Н. Машинской, изданный пражским журналом «Слово», существенно дополняющий наши представления о культурном пространстве, в котором жила автор «дневника», не был включён в книгу издателем по соображениям, связанным с авторским правом. Единственная на сегодняшний день статья омского краеведа В.И. Селюка содержит лишь самое общее описание этого источника. Цель настоящей работы заключается в его исследовании, прежде всего, с содержательной точки зрения, выявлении основных тем, специфики авторских описаний и оценок, характеристики самого автора. Анализ текста позволил реконструировать образы детства, семьи родителей и взаимоотношений в ней, показать некоторые существенные черты времяпрровождения, преимущественно досуга, на границе повседневности и праздника. Картины, рисуемые автором воспоминаний, рассматриваются в статье как образец «девичьего», «дамского» взгляда. Одновременно выстраивается и образ самой Татьяны Николаевны, её взросления, формирования личности – история человека во «времена, которые не выбирают». Представленные материалы могут быть использованы при разработке спецкурсов по истории гендера, истории городов Сибири первой четверти XX в.

Ключевые слова: воспоминания, дореволюционный Омск, купеческая семья, времяпрровождение буржуазной молодёжи, повседневность и праздник, воспитание личности, женский взгляд

Для цитирования: Киселев А.Г. «Омский дневник, 1917-1920 гг.» и его автор Татьяна Николаевна Машинская // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 190 – 199.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

"Omsk diary, 1917-1920" and its author, Tatyana Nikolaevna Mashinskaya

¹ Kiselev A.G.,

¹ Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development

Abstract: in 2023, Omsk State Pedagogical University published a book of memoirs by two native Siberians – Russian A. M. Randrup and German A. M. Rosenplanter – representing the feminine cultural world of "bourgeois" Omsk: "Flowers of the Past Not Forgotten...." The pre-war "Omsk Diary" by another prominent representative of this world, merchant's daughter T.N. Mashinskaya, published by the Prague magazine "Slovo", significantly enriches our understanding of the cultural space in which the author of the "diary" lived. The publisher did not include it in the book for copyright reasons. The only article to date by Omsk local historian V.I. Selyuk contains only the most general description of this source. The purpose of this work is to examine it, primarily from a substan-

tive perspective, identifying the main themes, the specifics of the author's descriptions and assessments, and the characterization of the author herself. Textual analysis allowed us to reconstruct images of childhood, the parents' family, and the relationships within it, revealing some essential features of pastimes, primarily leisure, on the border between everyday life and celebration. The author's depictions of the memoirs are examined in the article as exemplary of a "girlish," "feminine" perspective. At the same time, an image of Tatyana Nikolaevna herself, her coming-of-age, and the formation of her personality are constructed—the story of a person in "times you can't choose." The presented materials can be used in developing specialized courses on the history of gender and the history of Siberian cities in the first quarter of the 20th century.

Keywords: memories, pre-revolutionary Omsk, merchant family, bourgeois youth pastime, everyday life and holidays, personal development, female perspective

For citation: Kiselev A.G. "Omsk diary, 1917-1920" and its author, Tatyana Nikolaevna Mashinskaya. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (7). P. 190 – 199.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: September 15, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Исследования гендеря, повседневности, биографий «человека исторического» – характерные признаки гуманитаризации современной историографии. В данной статье предпринята попытка совмещения подходов, обусловленная природой источника – «Омского дневника» Т.Н. Машинской [1].

Обращаясь к истории вопроса, назовём труды Ю.М. Гончарова, изучающего купеческую семью и внутрисемейные отношения, предпринимательскую и общественную деятельность купчих, сибирскую городскую повседневность, в том числе и те её стороны, которые были непосредственно связаны с интересами и потребностями обеспеченных горожанок [2, 3, 4, 5]. Об условиях повседневной жизни сибирского купечества писал А.В. Быков [6], об организации дома, досуга в Сибири датских предпринимателей – И.М. Ларсен [7]. Опыт исследования разных сторон купеческой жизни, включая анализ картины мира, предприняла Е.В. Комлева [8].

Целью настоящей статьи является характеристика буржуазного «женского мира» дореволюционного Омска и личности одной из его героинь – автора дневника Т.Н. Машинской.

Материалы и методы исследований

Источником исследования послужил «Омский дневник» Т.Н. Машинской, изданный в пражском журнале «Русское слово» в 2014-2015 гг. Очевидно, что жанр этого текста следует уточнить. По существу это воспоминания, написанные много позднее описываемых событий – уже в эмиграции, дневник, очевидно, являлся только их основой. Автор, безусловно, бережно относились к запомнившимся детским и девичьим впечатлениям, переживаниям, корректируя их для читателя либо прямыми оценками «из

сегодняшнего дня», либо тональностью. Поэтому некоторые зарисовки и мнения, выглядят как приданые тексту не девочкой подростком, девушкой, а уже состоявшейся, прошедшей через многие испытания, вполне осознающей, что было потеряно, женщиной (оценки роли общественной роли предпринимателей в истории России, событий гражданской войны и др.).

При работе с источником использован метод детального анализа текста.

Результаты и обсуждения

Татьяна Николаевна родилась в 1902 г. в семье Николая Николаевича (1867-1947) и Елены Константиновны (урождённой Кузнецовой, 1869 – 1944) Машинских.

Глава семьи – Николай Николаевич был единственным наследником своего отца – тарского купца 1 гильдии Николая Кирилловича. А.А. Жиров выявил предположительно имевших казачье происхождение генеалогические корни Машинских в г. Таре [9, с. 217].

Супруга Николая Николаевича – Елена Константиновна была дочерью чиновника из Ташкента, окончила женскую гимназию [10, с. 34].

Семья была многодетной. Старше Тани были Сергей, Константин, Владимир, Борис, Ольга и Екатерина, умершая в детстве; младше – Николай и Георгий [1, с. 39].

Дневник позволяет воссоздать некоторые черты семейства.

Главой семьи был Николай Николаевич.

Это главенство подтверждают некоторые детали дневника. Он первым начинает рождественскую молитву [1, с. 54], первым поздравляет дочь Ольгу и её жениха с помолвкой [1, с. 47].

После его отъезда из Омска супруга пишет ему, хотя имея в виду не только его, но и детей:

- без вас в доме стало пусто [1, с. 27].

К сожалению, за пределами внимания остались приметы взаимоотношений отца с детьми. Известно только, что он мог быть строгим. После травмы одной из участниц зимних развлечений

-папа, узнавший о случившемся, возмущается нами: «Такое развлечение – варварство, и никаким другим именем его не назовёшь!». Володе, как инициатору попадает больше всех [1, с. 53].

Можно предполагать и привязанность отца к младшим сыновьям Коле и Гоге. С Колей он скрывается из советского Омска на Алтай [1, с. 38]. А когда позднее семья бежит на Восток, едет в поезде порознь из соображений конспирации, Николай Николаевич берёт с собой Гогу [1, с. 27]. Однако собственно обязанность воспитания младших сыновей лежала на специально нанятом губернёре [1, с. 37].

Известно участие старших сыновей Владимира и Бориса в делах отца, основавшего в Омске товарищество «Н.Н. Машинский с Сыновьями» [10, с. 33, 34].

Встречаются в дневнике и упоминания дел Николая Николаевича, его кожевенного завода в Омске, торговой операции, в конце концов, обеспечившей семейство деньгами. Дочь понимает значение этих предприятий, видит даже общественное значение отцовского завода:

-папа уже второй год работает в качестве директора <...> / устроил мастерскую <...> где работают главным образом офицеры, оказавшиеся не у дел / раздобыл машины, станки [1, с. 43].

Она убеждена в трудовом происхождении капиталов и их созидательной роли:

-наложили крупные контрибуции на капиталистов, отобрали, национализировали предприятия – кажется достаточно, так нет же – нужны драконовские меры. Чтобы уничтожить тех, которые тоже вышли из народа и боролись за его благополучие и счастье. Забыли заслуги Морозовых, Рябушинских, Третьяковых [1, с. 37].

Созвучные мысли автор дневника вкладывает и в уста отца:

- что же, отбери у русского человека золото, богатство, он не заплачет, а вот если ему учинят несправедливость, обвинят в том, что он нечестным трудом нажил свои деньги, только о своём кармане, а не о благе других думал всю жизнь, тогда он от обиды, пожалуй, заплачет и ни за что не простит своим обидчикам [1, с. 38];

- будем все работать. Вот только младших поставим на ноги, остальные ведь почти взрослые люди – этот вопрос меня не трогает. А

вот куда зашла наша страна – это дело другое, и как она выйдет из этого тупика – не известно [1, с. 28].

Татьяна видит, как плохо отцу из-за вынужденного безделья:

-по моим наблюдениям, оторвавшись от дела, он в душе тяготится бездельем, вида не показывает, но сильно скучает [1, с. 26].

Семейное главенство отца уравновешивалось матерью. В дневнике Елена Константиновна упоминается чуть чаще Николая Николаевича. Оба способны играть социально-значимую роль агента – субъекта, производящего действие. Но, во всяком случае, в советском Омске, под дамокловым мечом над «буржуями», чаще именно мать семейства, выступает в качестве представителя семьи. Так, в связи с арестом друзей семьи большевиками

- мама сейчас же отправилась во дворец к видному большевику Попову, который по просьбе мамы дал распоряжение немедленно освободить наших «шильонских узников» [1, с. 43].

Сказалось видимо общественное реноме Елены Константиновны, сложившееся «в старое время». В городе она была известна как действительный член Омского общества вспомоществования нуждающимся ученицам женской гимназии, организатор питательного пункта для больных и раненых во время русско-японской и первой мировой войны [10, с. 34].

В связи с ожидаемым обыском

- дверь открывает наша отважная мама [1, с. 38].

Когда

- папа должен покинуть город, чтобы о нём никто не знал – ни куда он скрылся, ни где он, хотя бы на время [1, с. 38],

- у мамы уже готов план и твёрдое решение – бежать из Омска [1, с. 38].

При обыске, учинённом красными в казачьей станице, куда семья переехала на время

- мама берёт ведро и спокойно отправляется как будто за водой. Но мы прекрасно знаем, что в нём патроны... мама вернулась с полным ведром воды. На вид она спокойна или, может быть, умеет владеть собой и скрывать тревогу? [1, с. 40].

Казаки собираются в станице после ухода большевиков

- мама им выносит белый флаг, наскоро созданный из простыни [1, с. 40].

Перед нами «женская слабость», способная «обезоружить» и ввести в заблуждение врагов, «очаровать» «своих».

В дневнике находим описание нескольких ситуаций, характеризующих взаимоотношения матери с детьми.

Дневник собственно и начинается с конфликта матери и старшего сына Серёжи – казачьего офицера. Его денщик

-увлёкся игрой в карты и обо всём на свете забыл, в том числе и о приказе командира. «Афанасий пойдёт под арест на двое суток, отправится немедленно!». «Что ты так сразу – и под арест, жаль всё-таки человека <...>. Подожди Серёжа, успокойся, сам знаешь ведь, что Афанасий – казак хороший, и в бою тебе преданность свою доказал, но уже прости его в этот раз, увидишь, как он сам это оценит». И не ожидая согласия Серёжи, мама вызывает Афанасия и прощает его от имени его командира.

Сын, не соглашается по существу:

- в стране революция и наши прямой долг перед Родиной всеми силами сохранить порядок и дисциплину,

и мать выражает понимание его мотивов:

- Я сама прекрасно вижу, куда мы идём, и что творится в нашей несчастной стране... [1, с. 39].

Но ситуация ею уже разрешена.

Елена Константиновна тактично оберегает Татьяну от возможной неосторожности в отношениях с квартирующим в их доме майором чехословацкого корпуса Кошеком. На просьбу Кошека отпустить Татьяну в Славянский клуб, соглашается:

- Конечно, но я думаю, что и Ляле (сестре) будет также интересно там побывать.

Этим мама чуть подчеркнула, что моё *tete-a-tete* с Кошеком её не устраивало, она очень с ним приветлива, бесконечно гостеприимна, но до определённых границ. На днях мама, которая всё видит и знает, перевесила мою шубу из передней на детскую вешалку. Зачем? Конечно, для того, чтобы я поменьше встречалась с майором <...>. Вот всё это мама предчувствует и поэтому за мной следит. Следит и Леля [1, с. 38].

И, конечно, Елена Константиновна занимается заболевшими, распоряжается по дому, воспитывает прислугу [1, с. 38; с. 53, 54].

Хотя тревожное время и наложило свой отпечаток на авторские презентации родительского дома

- а на улице всё ещё метель, и дом наш как корабль, заблудившийся в океане, плывёт в неизвестность в тумане [1, с. 55],

всё же в целом в дневнике они исключительно позитивны:

- Наши дом принадлежит к счастливым: в нём не задерживались надолго болезни, а приходили и

уходили, как нежеланные гости. Дом наши гостеприимный, радостный, в летние вечера из открытых окон гостиной доносится музыка и портьеры в нижнем этаже, где приёмные комнаты, не опускаются – зачем? Вечером окна освещены, видна люстра, цветы – фикусы и пальмы. За шторами мелькают тени. В доме живёт большая дружная семья, вырастает молодёжь, подрастают младшие дети. Солнечный дом улыбается [1, с. 27].

Ни следа обид, упрёков, может лишь непонимание младшего брата Коли, да споры со старшей сестрой Ольгой.

Названные обстоятельства, наряду с признанием приоритета любви над брачным союзом, позволяют отождествлять семейство Машинских с типично новой, «буржуазной» семьёй, идущей на смену традиционной патриархальной семье. По оценкам исследователей, в новой семье заметно «больше интимности, демократизма, признания самоценности каждого члена семьи, будь то мужчина, женщина или ребёнок. Такая семья и становится колыбелью нового фундаментального принципа семейных отношений, прямо противоположного прежнему: «не человек для семьи, а семья для человека» [2, с. 287].

Эти наблюдения историковозвучны с рассуждениями Татьяны о союзе А.В. Колчака и А.В. Тимиревой, подкрепляемых однако старообрядческой традицией:

- я невольно вспоминаю один из принципов строобрядческой веры: «Будьте строги к себе и снисходительны к другим». Не в нём ли руководство для человеческих отношений, не в нём ли правда? Ведь нельзя же жить по-старому и отношения людей должны быть искреннее, человечнее [1, с. 39].

Тема семьи близка и тема быта. Однако в этом отношении автор весьма немногословна. Практически ничего об устройстве, планировке, интерьерах дома.

Немногое сообщается и о столе.

- приближается праздник Пасхи. На кухне пекутся куличи и творятся все приготовления к пасхальному столу. Фрося вынимает серебро и тщательно раскладывает его на столе [1, с. 46].

Пожалуй, единственная сцена семейного чаепития:

-пьём чай из светлых сиреневых фарфоровых чашечек. Липа подаёт блюдо печенья. Тётя Оля разливает чай, отражаясь в ярко начищенном серебряном самоваре [1, с. 42].

Ещё одна – с сестрой Ольгой – демонстрирует «бытовой нигилизм» автора дневника:

-Люля ждёт меня за завтраком, медленно, со вкусом намазывая булку маслом, как будто совершая какой-то священно действенный ритуал питания собственной особы. Но разве можно так много внимания и времени посвящать завтраку, обеду и ужину, когда вас ждут неотложные и интересные дела? [1, с. 37].

Упоминается в дневнике и послеобеденный «тихий мёртвый час» [1, с. 38].

Косвенным образом характеризует семейный быт и перечисление в разной связи прислуги. Это повара – «бывший» и «нынешний» – Потап Ульянович и Вацлав (Василий Васильевич), гувернёр Губерт Иванович, кучер Егор Александрович, прислуживающая за столом Липа, служанка Саша «Рыжик», горничная Фрося, портниха Анна Васильевна истопник Ян. Очевидно, что члены семьи были избавлены от каких-либо хозяйственных домоводческих забот.

В кругу бытовых тем Татьяну Николаевну по-настоящему интересовала лишь мода, прежде всего одежда, костюм, как взрослый, так и детский, дамский и мужской, аксессуары, обувь. На страницах дневника буквально разбросаны соответствующие характеристики и детали. Здесь и ‘полотняные панамы с воздушными жёлтыми шарфами’, ‘допотопные чепцы с лентами’, ‘белые фланелевые брюки’, ‘высокие французские каблуки’ и описания костюма или сочетания его элементов и аксессуаров:

-у одной из девочек, как и у меня, на голове банты-бабочка, коротенькая шотландская юбочка в складку и очень красивые часики на руке [1, с. 40];

-белая блузка с открытой шеей, красная юбочка выше колен, бархатный корсаж, красные чулки и чёрные туфельки – ну чем не неаполитанская рыбачка? [1, с. 45].

-вот и верховой костюм готов <...>. Сначала я надеваю белую полотняную блузку с синим галстуком, затем рейтзузы и сверх всего синий костюм с юбкой с разрезом, чтобы было удобно и «прилично» выглядеть в седле, на ногах у меня высокие шнурованные ботинки, а на голове круглая бойскаутская шляпа с ремешком [1, с. 38].

Специфически девичий, дамский интерес к предметам, усиливающим эффект изящества, женственности сочетался с вниманием к военному мундиру, не лишённому эстетизма, но, очевидно, символизирующему мужественность:

-чехи одеты в русскую форму, на голове у них кепи с красно-белой их национального цвета ленточкой, на ногах обмотки и штиблеты [1, с. 38];

- французская форма на нём сидит безупречно, голубой френч украшен рядом орденских ленточек [1, с. 38];

- на нём французская голубая шинель с меховым воротником, фуражка, расшитая золотым шитьём, в руках меховые кожаные перчатки и стек [1, с. 55].

Прямую ассоциацию военных аксессуаров и героики воина-защитника находим в нарисованном воображением Татьяны портрете А. В. Колчака:

- он должен быть хороши на капитанском мостике с биноклем в руках, в надвинутой флотской фуражке, напряжённо смотрящий в даль. Таким его мог бы изобразить художник. Сейчас он наш Правитель, наш капитан, на которого возложена непомерно тяжёлая задача вывести наши тонущий корабль из бури и разбушевавшейся стихии [1, с. 36].

Привлекал внимание Татьяны Николаевны и национальный костюм казахов и бурят [1, с. 40, 27].

В исторической литературе, посвящённой повседневности, наряду с семейной её стороной, бытом, обычно выделяются трудовая и досуговая стороны [12, с. 5].

Трудовая повседневность в омском дневнике по понятным причинам не представлена. Татьяна училась в гимназии, которую упоминает случайно всего два раза. Очевидно, гимназическая жизнь не увлекала. Видимо мало интересовали и сверстницы-гимназистки. Напротив, заметна тяга автора к старшим по возрасту девушкам и молодым людям.

В центре дневника – досуг – сфера жизни на границе повседневности и праздника, относящаяся к первой постельке, поскольку обычная, обиходна, «не принадлежит к явлениям однократным, необычным или харизматическим» [12, с. 333]. Более трети разделов дневника содержат упоминания собраний дружеских компаний, игр в жмурки, почту, зимних развлечений (катаний на санях, коньках, лыжах), танцев, теннисной игры, конных прогулок, дальних загородных поездок и отдыха в Боровом и на Карабинском озере – типичных форм досуга делового класса в Сибири.

При этом на первый план всегда выходит тема мироощущения, настроений, переживаний автора, складывающихся из общения с друзьями, встреч с новыми людьми, звучащей музыки, прочитанных строк, увиденных пейзажей. Завершение пубертатного периода, успех у молодых людей, мужчин, обстановка «праздничной праздности», развитый эстетизм – всё это способствовало

воспитанию определённой культуры чувств Татьяны Машинской.

На последних страницах омского дневника один из ухаживавших за ней – майор Кошек, прощаясь с сёстрами Машинскими, говорит, что не забудет своё пребывание в Омске и знакомство с ними:

«Да, девочки, такую жизнь я не забуду никогда, она уже неповторима! Если бы одна из вас её описала, как роман – попробуйте, запечатлейте её навсегда» [1, с. 28].

С источниковедческой точки зрения текст, написанный и отредактированный Татьяной Николаевной – скорее воспоминания, нежели собственно дневник, но с точки зрения литературной это в известном отношении именно роман, роман как многоплановая, с участием более 130 действующих лиц история, в которой, центральное место занимает она сама, её родители, друзья и поклонники.

Автору удалось передать психологизм, переживания первых влюблённостей:

«М.-м. Юзефович – привлекательная дама с сыном гимназистом Вовой, который мне нравится с первого взгляда. Почему? Разве можно это так просто объяснить? По какому принципу магнетизма люди разного пола сначала замечают друг друга, потом даже не смотрят друг на друга, а все равно чувствуют это присутствие друг друга. Я всегда безошибочно могу определить, где находится Вова в своей полотняной белой рубашке, куда он пошёл в настоящую минуту, что он делает, чувствует ли моё присутствие, смотрит ли на меня, и, пожалуй, только этим и занята. У нас разговор без слов, как песня без слов, понимание друг друга, которое и пугает немного, и радует. Я знаю, что от нашей тайны хорошею, становлюсь интереснее веселее, поездка на Синюху приобретает особую прелест, крепче, ароматнее пахнет лес, звонче смех, значительнее паузы, многозначительна тишина» [1, с. 40];

метафорически показать их неустойчивость:

*«В саду с Колей Вова Юзефович. Но к нему не выйду, я его вижу в окно, но меня к нему не тянет <...>. Что это собственно такое? Температура ли воздуха другая, или кровь наша с наступлением ненастия охлаждается тоже, я не знаю, но нет у меня того подъёма, какой был когда-то в Боровом. Люди как мошки в солнечный день: рой мошек танцует, взлетает наверх, затем резко падает вниз, соблюдая ритм и такт. Две мошки танцуют вместе, то вправо, то влево в дружном *pas de deux* и вдруг отталкиваются друг от друга, и каждая сама по себе в том же ритме продолжает*

ет свой танец под солнцем. Так и я вот отшатнулась от своей случайной пары и хочу идти своим путём сама по себе до новой случайной встречи [1, с. 41-42].

И таких запомнившихся встреч было немало.

На костюмированном балу

-ко мне подходит паяц в шёлковом костюме, некто Ниса Ковлер. Мы танцуем, затем под руку гуляем в зале. Я довольна своим кавалером. Во-первых, он взрослый, во-вторых он красив, а в-третьих я ему нравлюсь, это очевидно. «Посмотрите, посмотрите, какую неаполитанку Таня поймала рыбу!» – громогласно произносит папин друг, директор банка, некто Гриневицкий <...>. Краснеет Ниса, краснею я. «Ах, не обращайте, пожалуйста, никакого внимания на слова этого циника. Знаете, Таня, сегодня мне так хорошо, и ничто и никто не должен омрачать этого чудного вечера. Я бы хотел Вас увидеть на вечере нашего Коммерческого Училища. Вы к нам придёте? Обещайте, без вас мне будет скучно!» – Ниса ко мне наклоняется и смотрит почти умоляюще своими красивыми, синими глазами [1, с. 45].

А вот другой летний бал.

«Вечером в курзале летний бал <...> Веселее кружиться в вальсе под звуки оркестра. «Раз-два-три ... Раз-два-три» – в такт музыки приговаривает мой партнёр, студент Алексинский. «Ну Вы замечательно вальсируете ... Смотрите, сейчас начнется фейерверк. Пойдёмте в сад посмотреть». Ракеты рвутся в небеса и пёстрыми шариками падают в озеро или же растворяются в тёмном небе.

*Пахнет цветами, с озера веет прохладой. Серёжа Алексинский меня держит под руку и говорит о счастье, которое он ощущает будто был в настоящий момент, его бледное лицо совсем близко ко мне наклоняется ... В это время среди деревьев вижу силуэт Люли, она меня ищет, наверно или случайно нарушая наши *tete à tête* [1, с. 41].*

Балы, танцы были школой воспитания чувств. Допустимо в данном случае обращение к исследованию культуры чувств в аристократических семействах: «В гендерной социализации девочек присутствовали явные противоречия. С одной стороны, родители ограничивали их общение с противоположным полом, а, с другой, – подогревали их кокетство, чувствительность, в том числе посредством светских мероприятий. В частности важным мероприятием для половой социализации девочек-подростков были так называемые детские балы и первые «взрослые» балы, на которые они попадали в 16 лет». Детские балы приоткрывали

девочкам «завесу светской жизни, становясьплощадкой для демонстрации навыков изысканных манер, кокетства и основ флирта» [13, с. 23].

В известной мере образцами подобного воспитания служили и живые примеры красивых молодых женщин, ставших если не героями, то весьма заметными персонажами дневника. Это и м.-м. Юзефович, и Наталья Иллиодоровна Гамкриелли, и известная в общественных кругах «белого Омска» Мария Александровна Гришина-Алмазова [14].

Наталья Иллиодоровна ...

- она очаровательна: высокая блондинка на длинных стройных ногах, черты её лица, если рассмотреть их строго, даже неправильны, но гармоничны и озарены игрой молодости, одухотворены внутренней жизнью и освещены прелестной, ослепительной улыбкой. Она в розовом креповом платье, которое, к слову сказать, она сама себе сшила. У ворота украшено букетиком фиалок [1, с. 39].

Гришина-Алмазова ...

- очень хороша собой. У неё бледное матовое лицо, тёмные бархатные глаза и ослепительные зубы. Такой красавице кокетство не к лицу, её взгляда достаточно даже того, чтобы она встала и прошлась по гостиной – и этого уже достаточно, чтобы взгляда от неё не оторвать <...>. Она встаёт и под аккомпанемент пианино танцует, плавёт как лебедь, как само воплощение женственности – и Володя, и Боба, и Стива целят её руки, белые чудесные руки в бриллиантовых кольцах [1, с. 35-36].

Татьяна Николаевна Машинская понимала значение навыков манер и кокетства. Вот как она пишет о разговоре с подругой старшего брата Сергея Люлей:

- Люлю чувство уже захватило – в этом я уверена. Но мне кажется, что в ней не хватает кокетства. Нельзя с таким человеком, как Серёжа, избалованным успехом у женщин, быть как на ладони <...>. И знаете, несмотрите вы на него так преданно, вот мол, я вся твоя и делай со мной что хочешь – лучше, когда он в вас не уверен и даже немножко ревнует» [1, с. 41].

А это о Наталье Илларионовне Гамрикелли:

- «Я хочу умереть молодой / Золотой закатиться звездой», – мелодекламирует Наталья Иллиодоровна, аккомпанируя себе на пианино. Но мне кажется, что умирать ей совсем не хочется и закатываться звездой также – и что это только кокетство, и звезда её горит в полном блеске и своим сиянием озаряет весь её окружающий мир. В орбиту сияния попал и наш

Володя [1, с. 39-40]. Наталья Иллиодоровна и Владимир Машинский вскоре поженятся.

Видела автор дневника и «оборотную сторону» это игры, способной приносить страдания. Обращаясь к эпизоду пребывания в Боровом с участием м.-м. Юзефович она замечает:

- эта нарядная дама флиртует с Сергеем Христофоровичем (Рандруп), порой неестественно хохочет; порой напускает на себя томность, изображая беспомощную девочку. А там, внизу, м.-м. Рандруп, которая давно заметила, что её муж всецело увлечён м.-м. Юзефович, в свою очередь, хочет скрыть своё испорченное настроение и ревность, подчёркнуто любезна, но внутренне безусловно страдает [1, с. 41].

Глубоко оскорблённым и несчастным предстаёт после ухода Натальи Иллиодоровны к Владимиру Машинскому её супруг Семён Андреевич [1, с. 46].

И сама Татьяна рискует сделаться жертвой такой игры. Её воображение на долгое время захватил майор Кошек. Он

- очень нравится женщинам, знает это, любит общество женщин, становится в нём остроумным, выделяется среди мужчин <...>.

За столом у Машинских Кошек

- моментально, не прерывая разговора, <...> бросает нежный взгляд в мою сторону, взгляд Фальстафа соблазнителя, по выражению Люли. На мольеровского Фальстафа он характером, пожалуй, похож и на вкрадчивую лисицу немного тоже, но разве всё это меняет дело, он всё равно остаётся интересным собеседником и незаурядным человеком. Что поделаешь, но его внимание взрослого человека мне льстит [1, с. 39].

При этом Татьяна понимает разницу между флиртом и настоящим чувством, «держит дистанцию»:

- Вчера мы с Кошеком задержались в гостиной и долго говорили о литературе и поэзии, я ему декламировала Верлена, а он мне Врхлицкого. Люля твердо уверена, что я как неопытная девочка обязательно потеряю голову, но этого, пожалуй, не случится, я настороже и великолепно разбираюсь, что такое флирт и что настоящее чувство. И это новое увлечение не целиком захватывает мой внутренний мир, который насыщен до краёв самыми разнообразными впечатлениями [1, с. 39].

И эта игра, и известная осторожность, и настоящие чувства – всё это питается не только собственными наблюдениями и жизненным опытом автора, но произрастает также из личностного открытия, освоения литературы и искусства. На страницах дневника имена 19 поэтов и писателей – от Пушкина и Диккенса до Арцыбашева и Золя, чеш-

ских авторов, в частности Р. Медека, перевод поэмы которого «Зборов» был выполнен Татьяной, видимо при участии майора Кошека – 13-ти страницная книжечка издавалась в Омске в 1919 г.

В памяти омского периода музыка Баха, Моцарта, Чайковского, Грига, Дворжака, а также русские романсы, русский и испанский танцы, мазурка, вальс, аргентинское танго, one step.

Ещё одной эстетически окрашенной сферой мира Татьяны были запомнившиеся образы природных пейзажей. Примерно в половине случаев наряду с простыми описаниями, особенно часто встречающимися в конце дневника, когда Машинские бегут на восток, автор вспоминает о связанных с ними переживаниях и размышлении:

-Может быть, мудрая природа поможет найти потерянный покой. Лодка медленно вплывает в залив разрезая носом гладь реки, вёсла путаются в камышах и водорослях, зелёная стена не пускает проникнуть глубже. Я останавливаюсь и наблюдаю, как выются над гладью реки зелёные и синие стрекозы. Как пряно пахнет осока, переломленная пополам. Проворные водомерки режут определённое пространство воды, до точности, почти математической точности кем-то рассчитанного предела, чертят какие-то геометрические фигуры, вероятно, имеющие глубокий смысл, людскому уму не постижимый. Что мы собственно знаем о природе и её законах? Неужели и мы, люди, только букашки, и судьба наша тоже кем-то предопределена? Есть ли какой-либо смысл ломать голову, почему и зачем живёт человек? Нет возможности понять, почему мы, молодёжь, живём вот именно в это сумбурное время и есть ли какой-нибудь смысл в войне и в революции <...> [1, с. 39].

Большое место в дневнике Машинской занимает политика. События в Петрограде, переход в Омске власти из рук в руки, известия о происходящем в стране не описываются сколько-нибудь подробно, скорее обозначены их образы, наполненные тревогой, неустойчивостью, крушением и возрождением надежд, трудными мировоззренческими вопросами.

Тревога:

-в нашей столице неспокойно <...>. Все, в том числе интеллигенция, чего-то ждут [1, с. 42];

-тревожно стало по вечерам. То где-то раздаётся выстрел, то кто-то тяжёлыми сапогами прогремит по тротуару. Тени мигают на стенах и ползут по потолку. Прислушиваемся, ждём резкого звонка – обыска или ареста [1, с. 37];

- из Тобольска прибыл карательный отряд – в городе, по слухам, готовится «Варфоломеевская

ночь». В воздухе нависло напряжённое ожидание какой-то мрачной развязки. Тревога нарастает с каждым днём с каждым часом [1, с. 38];

- на душе сумбурно и тревожно [1, с. 39].

Неопределенность:

- кажется, что внешне всё вошло в привычную колею, но это только кажется: на самом деле ритм жизни нарушен и нет уверенности в завтрашнем дне [1, с. 35];

- что же там, за тёмным окном творится?

Неужели опять кровь, опять жертвы?

Напряжённо ждём новостей [1, с. 36].

Крушение и возрождение надежд:

- в один миг жизнь оборачивается во всей своей неприглядной реальной сущности [1, с. 37];

- как ярко светит солнце! Неужели перед нами новая, лучшая жизнь? В одну ночь произошёл переворот, но, однако, как легко дышится после изгнания большевиков пока ещё только из Омска и его окрестностей [1, с. 40].

Предательство:

-генерал Сахаров предал белую идею: он работал на руку красным, пока окончательно не перешёл на сторону врагов с целой армией <...>

-приезжающая с фронта боевая молодёжь присматривается к тылу, проникается недоверием к обществу и правительству, приходит в отчаянье, не веря ни во что и никому, часто кончает жизнь самоубийством или же, чувствуя приближающуюся смерть, от отчаяния бросается кутить <...> [1, с. 51].

Трудные вопросы:

-откуда и почему взялась эта классовая борьба? Разве нам, каждому из нас, нет места под солнцем и разве не волны мы жить, как хочется, в нашей богатой и независимой стране? [1, с. 37];

-братоубийственная война, какие проблемы она разрешает? Не несёт ли она ещё более сложные отношения, не запутывает ли их в тесный, неразрешимый узел? Зачем все эти жертвы и почему брат встаёт на брата? [1, с. 35];

-мы все склонны верить, что тот или другой человек «хороший», «бедный», «несчастный», но чтобы он был «вредным», «дурным», противного политического направления – делить людей на врагов или друзей мы до сих пор не научились [1, с. 52].

Представляется очевидным, что эти вопросы, как и некоторые оценки происходящего являются результатом размышлений не 16-летней девушки, а умудрённого жизнью человека, результатом позднейшей переработки текста:

-Пришла Великая Октябрьская. Как зверь из бездны. Дорогу низам, а то я тебя прикладом, да к стенке. Гуляй тёмная и рабская Россия, пока сама, выбившись из сил, не задохнёшься в ненависти, не захлебнёшься в крови [1, с. 37].

Выводы

«Омский дневник» даёт нам яркие зарисовки жизненного круга Машинских – одного из известных семейств омского делового класса, личную историю детства, девичества автора, формирования её личности. Текст можно рассматривать как своеобразный автопортрет. Выросшая в многодетной семье крупного

сибирского дельца, в обстановке любви, довольства, свободы послушная и благодарная дочь своих родителей, Татьяна Николаевна представляла собой тип девушки развитой, интеллигентной, внимательной к окружающему её миру, способной точно и образно характеризовать те его стороны, которые привлекали девичье внимание. Её наблюдательность даёт нам возможность увидеть отдельные черты буржуазной культуры «старого» Омска периода гражданской войны и пребывания в городе чехословаков, картину социокультурного разлома, ставшего основой русской смуты начала XX в.

Список источников

1. Машинская Т.Н. Омский дневник // Русское слово (Прага). 2014-2015.
2. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. 384 с.
3. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.
4. Гончаров Ю.М. Социальные роли женщины в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Вып. 2. Сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2008. С. 205 – 226.
5. Гончаров Ю.М. Одежда горожанок Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Нижневартовского гос. ун-та. 2010. № 4. 10 с. URL: <https://sciup.org/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroj-polovine-xixnachale-xx-vv-14116613> (дата обращения: 20.06.2025)
6. Быков А.В. Образ жизни сибирского купечества (вторая половина XIX – начало XX вв.). Новосибирск: СГГА, 2005. 112 с.
7. Larsen I.M. En Dansk Familie i Vestsibirien, 1899-1919 // Rotunden. 2006. Nr. 22. Marts. P. 25 – 55.
8. Комлева Е.В. Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения Северной Азии (конец XVIII – XIX век): автореф. ... докт. истор. наук. Новосибирск, 2020. 647 с.
9. Жиров А.А. Четыре века Тары в фамилиях её жителей // Жиров А.А. Если бы стены могли говорить... Очерки и статьи. Омск: Полиграф, 2008. С. 217 – 221.
10. Жиров А.А., Киселев А.Г. Машинские // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. Т. 2. С. 32 – 34.
11. Добушева М. Рассказ от первого лица. Ляля Туманова // Русское слово. 2013. № 2. С. 13 – 18.
12. Бурлуцкая Е.В., Абдрахманова К.А., Куренкова Ю.О., Фот А.Г., Клементьева Н.В. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). Оренбург: Оренбургское книж. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. 452 с.
13. Белова А.В., Мицюк Н.А. Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений») // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20 – 35.
14. Петин Д.И. С авантюром сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389 – 405.

References

1. Mashinskaya T.N. Omsk Diary. Russkoe Slovo (Prague). 2014-2015.
2. Goncharov Yu.M. Urban Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Barnaul: Altai University Publishing House, 2002. 384 p.
3. Goncharov Yu.M. Essays on the History of Urban Life in Prerevolutionary Siberia (Mid-19th – Early 20th Centuries). Novosibirsk: Sova Publishing House, 2004. 358 p.
4. Goncharov Yu.M. Social Roles of Women in Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Modern Historical Siberian Studies of the 17th – Early 20th Centuries. Issue 2. Collection of Scientific Papers. Barnaul: Az-buka, 2008. P. 205 – 226.

5. Goncharov Yu.M. Clothing of Siberian Townswomen in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2010. No. 4. 10 p. URL: <https://sciup.org/odezhda-gorozhanok-sibirivo-vtoroj-polovine-xixnachale-xx-vv-14116613> (accessed: 20.06.2025)
6. Bykov A.V. Lifestyle of Siberian Merchants (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Novosibirsk: SGGA, 2005. 112 p.
7. Larsen I.M. En Dansk Familie i Vestsibirien, 1899-1919. Rotunden. 2006. Nr. 22. March. P. 25 – 55.
8. Komleva E.V. Siberian merchants: sociocultural practices in the context of the development of Northern Asia (late 18th – 19th centuries): author's abstract. ... Doctor of History. Novosibirsk, 2020. 647 p.
9. Zhirov A.A. Four centuries of Tara in the surnames of its inhabitants. Zhirov A.A. If the walls could speak... Essays and articles. Omsk: Polygraph, 2008. P. 217 – 221.
10. Zhirov A.A., Kiselev A.G. Mashinsky. Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 2 volumes. Novosibirsk: Academic Publishing House "Geo", 2013. Vol. 2. P. 32 – 34.
11. Dobusheva M. First-Person Narrative. Lyalya Tumanova. Russkoe Slovo. 2013. No. 2. P. 13 – 18.
12. Burlutskaya E.V., Abdurakhmanova K.A., Kurenkova Yu.O., Fot A.G., Klementyeva N.V. Everyday Life of a Provincial Townswoman in Post-Reform Russia (Based on Materials from the Orenburg Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Orenburg: Orenburg Book Publishing House named after G.P. Donkovtsev, 2020. 452 p.
13. Belova A.V., Mitsyuk N.A. Sexual education of Russian noblewomen in the family, educational institution, and society (from the “great reforms” to the “great upheavals”). Novyi istoricheskii vestnik. 2016. No. 1 (47). P. 20 – 35.
14. Petin D.I. With adventure through life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova). Novye istoriya Rossii. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 389 – 405.

Информация об авторе

Киселев А.Г., доктор исторических наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

© Киселев А.Г., 2025